

СОВРЕМЕННОСТЬ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ,

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.

(1833.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Произшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ *В. И. Бергомъ*.

ВСТУПЛЕНИЕ.

На берегу пустынныхъ волнь
Стояль Онь, думъ великихъ полянь,
И вдаль глядѣль. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнь
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсь, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣль.

И думалъ Онь:

Отсель грозить мы будемъ Шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложень
На зло надменному сосѣду.
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно;²
Ногою твердой стать при морѣ.
Сюда по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ,
И запируемъ на просторѣ.
Прошло сто лѣтъ, и юный градъ,
Полнощныхъ странъ краса и диво,
Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блать

Вознесся пышно, горделиво.
Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
Печальный пасынокъ природы,
Одинъ у низкихъ береговъ
Бросалъ въ невѣдомыя воды
Свой ветхій неводъ; нынѣ тамъ
По оживленнымъ берегамъ
Громады стройныя тѣснятся
Дворцовъ и башенъ; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева,
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова;
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою Царицей
Порфиросная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,²
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный;
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ бездушный,

Когда я въ комнату моей
Пищу, читаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшить, давъ ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,
Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичья лица ярче розъ;
И блескъ и шумъ и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красоту;
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскуты сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сѣнье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
На сквозь прострѣленныхъ въ бою.
Люблю, военная столица,

Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или, побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или взломавъ свой синій ледъ
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вѣсни дни, ликуеть.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо какъ Россія;
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія;
Вражду и плѣнь старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора,
Объ ней свѣжо воспоминае
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печалень будетъ мой рассказъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченныиъ Петроградомъ
Дышаль Ноябрь осеннимъ хладомъ.
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постели безпокойной,
Ужь было поздно и темно;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгений молодой....
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ. Оно
Звучить пріятно; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно.
Прозванья намъ его не нужно,
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало
И, подь перомъ Карамзина,
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живеть въ Коломнѣ; гдѣ-то служить,
Дичится знатныхъ и не тужить

Ни о покойницѣ родшѣ,
Ни о забытой старинѣ.
И такъ домой пришелъ Евгеній,
Страхнулъ шинель, раздѣлся, легъ.
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышлений.
О чемъ же думалъ онъ? о томъ,
Что былъ онъ бѣденъ, что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ. Что вѣдь есть
Такіе праздные счастливыцы,
Ума недалнаго, лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служить онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась; что рѣка
Все прибывала; что едва-ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дни на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вымъ не такъ уныло
И чтобы дождь въ окно стучалъ

Не такъ сердито...

Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣеть мгла ненастной ночи
И блѣдный день ужъ настаеть...
Ужасный день!

Нева всю ночь⁵

Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
И спорить стало ей не въ мочь...
По утру надъ ея берегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтровъ отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла,
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь,
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло,—воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы,

Къ рѣшеткамъ хлынули каналы,
И всплыль Петрополь какъ Тритонъ,
По поясъ въ воду погружень.

Осада! приступь! злыя волны,
Какъ воры, лезуть въ окна, челны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой,
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревны, кровли;
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!

Народъ

Зрять Божій гнѣвъ и казни ждеть.
Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
Гдѣ будетъ взять?

Въ тотъ грозный годъ

Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ,
Печалень, смутень, вышелъ Онъ
И молвилъ: «съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть.» Онъ сѣлъ,
И въ думъ, скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами

И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ—изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились Генералы ⁴
Спасать и страхомъ обуяльи,
И дома тонущій народъ.
Тогда, на площади Петровой,
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ поднятой лапой, какъ живые,
Стоять два льва сторожевые;
На звѣрь мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, блѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ подымался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая;
Какъ дождь ему въ лице хлесталъ;
Какъ вътеръ буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены

Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины,
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки . . . Боже, Боже! тамъ—
Увы! близехонко къ волнамъ,
Почти у самаго залива—
Заборъ некрашенный, да ива
И ветхій домикъ: тамъ онъ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта . . . Или во снѣ
Онъ это видитъ? иль вся наша
И жизнь ничто какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онъ какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода и больше ничего!
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытись разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей,
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушить и грабить; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!
И грабежемъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшать разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла и мостовая
Открылась, и Евгенийъ мой
Спѣшитъ, душею замирая,
Въ надеждѣ, страхъ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны;
Какъ-бы подъ ними тлѣлъ огонь,
Еще ихъ пѣна покрывала,

И тяжело Нева дышала
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгеній смотритъ: видитъ лодку,
Онъ къ ней бѣжить какъ на находку;
Онъ перевозщика зоветъ—
И перевозчикъ беззаботной
Его за гривенникъ охотно
Черезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ челнъ—и наконецъ
Достигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжить
Въ мѣста знакомыя. Глядите,
Узнать не можетъ. Видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другіе
Совсѣмъ обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полъ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгенийъ
Стремглавъ, не помня ничего,

Изнемогая отъ мученій,
Бѣжить туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжить ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ. . . .
Что-жь это ? . . .

Онъ остановился.

Пошелъ назадъ и воротился.
Глядитъ . . . идетъ . . . еще глядитъ.
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота;
Снесло ихъ, видно. Гдѣ-же домъ ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуеть громко самъ съ собою —
И вдругъ, удара въ лобъ рукою,
Захохоталъ.

Ночная мгла

На городъ трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.

Утра лучъ

Изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
Блеснулъ надъ тихою столицей

И не нашель уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней; Багряницей
Уже прикрыто было зло,
Въ порядокъ прежній все вошло
Уже по улицамъ свободнымъ
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ
Ходиль народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной приютъ,
На службу шель. Торгашъ отважный,
Не унывая, открываль
Невой ограбленный подвалъ,
Сбирался свой убытокъ важный
На ближнемъ вымѣстить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,

Поэтъ любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгений

Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался,
Его терзалъ какой-то сонъ.

Прошла недѣля, мѣсяць—онъ
Къ себѣ домой не возвращался;
Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему,
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда; казалось—онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ ни звѣрь, ни человекъ;
Ни то ни сѣ, ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвой...

Разъ онъ спалъ

У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ

Ненастный вѣтеръ. Мрачный валь
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бѣясь объ гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было:
Дождь капалъ, вѣтеръ вылъ уныло
И съ нимъ вдали во тмѣ ночной
Перекликался часовой
Вскочилъ Евгений; вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ; торопливо
Онъ всталъ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнью дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ поднятой лапой какъ живые
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ ⁵.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ

И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ и площадь и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракъ съ мѣдной головой
И съ распростертою рукой,
Какъ будто градомъ любовался.

Безумецъ бѣдный обошелъ
Крутомъ скалы съ тоскою дикей,
И напился яркую прочель,
И сердце скорбію великой
Стѣснилось въ немъ. Его чело
Къ рѣшеткѣ холодной прилегло,
Глаза подернулись туманомъ . . .
По членамъ холодъ пребѣжалъ
И вздрогнулъ онъ—и мраченъ сталъ
Предъ дивнымъ Русскимъ Великаномъ.
И персть свой на Него поднявъ,
Задумался. Но вдругъ стремглавъ
Бѣжать пустился. Показалось
Ему, что Грознаго Царя,
Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
Лице тихонько обращалось
И онъ по площади пустой
Бѣжить и слышать за собой —

Какъ будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой,
И озарень луною блѣдной,
Простерши руки въ вышинь,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ;
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье. Къ сердцу своему,
Онъ прижималъ поспѣшно руку,
Какъ бы его смиря муку;
Картузъ изношенный сымалъ,
Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
И шелъ сторонкой.

Островъ малый
На взморьѣ видѣнь. Иногда
Причалить съ неводомъ туда
Рыбакъ на ловль запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варить;
Или чиновникъ посѣтитъ,

Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводненье
Туда играя занесло
Домишка ветхій. Падъ водою
Остался онъ какъ чернѣйшій кустъ;
Его прошедшею весною
Свели на баркѣ. Былъ онъ пустъ
И весь разрушенъ. У порога
Нашли безумца моего,
И тутъ-же хладный трупъ его
Похоронили ради Бога.

А. Пушкинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Альгаротти гдѣ-то сказалъ: *Petersbourg est la fenêtre par la quelle la Russie regarde en Europe.*

2) См. стихи Кн. Вяземскаго къ Графинѣ З***.

3) Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію (*). Жаль только, что описаніе его не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ Польскаго поэта.

4) Графъ Милорадовичъ и Генераль-Адъютантъ Бенкендорфъ.

5) См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рыбана—какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.

(*) Въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній *Oleszkiewicz*.